

© 2004 г.

3. Т. ГОЛЕНКОВА, Е. Д. ИГИТХАНИЯ

ПОЛИ- И МОНОЗАНЯТЫЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна - доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН. ИГИТХАНИЯ Елена Давыдовна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник института.

Развитие трансформационных процессов в российском обществе обострило комплекс социальных проблем, связанных со сменой отношений собственности, переходом к рыночной экономике. В 2001 г. доминирующей формой собственности стала ча-

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 02-03-00077а.

стная (47,9%), удельный вес которой вырос по сравнению с 1992 г. почти в 2,5 раза. Значительно уступают государственная и муниципальная (37,4%), смешанная российско-иностранная (13,9%), собственность общественных и религиозных организаций (0,8%). Радикальные макроэкономические преобразования с неизбежностью привели к сокращению спроса на труд, что подтверждается прежде всего динамикой численности экономически активного населения (71968 тыс. человек - в 1,05 раза меньше, чем в 1992 г. [1, с. 55]). Наиболее существенный пик "снижения" зафиксирован в середине 1999 г. С этого времени уровень занятости медленно растет. Кроме того, в составе экономически активного населения 8,7% (6,3 млн. человек) - безработные в соответствии с классификацией Международной организации труда (МОТ) [2, с.230].

Произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования доходов, и, как следствие, в степени дифференциации материального положения и социального расслоения. В начале 2002 г. величина прожиточного минимума равнялась 1719 руб. в месяц на душу населения, а количество людей с денежными доходами ниже этой величины (по официальной методике они относятся к бедным) составило 47,7 млн. человек (33,0% от общей численности населения). Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в это же время имел значение 0,407 (справочно: в 1999 г. он составил 0,379) [2, с. 209]. В первом квартале 2002 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 32,7% общего объема денежных доходов (в первом квартале 2001 г. - 33,3%), а на долю 10% наименее обеспеченных - 2,3% (в 2001 г. - 2,4%) [2, с. 219].

Эти данные свидетельствуют о существенном углублении бедности, но и об истощении адаптационных возможностей значительной части населения страны, когда процессы социального приспособления к постоянно меняющимся условиям жизни максимально интенсивны. Необходимость выработки путей и способов адаптации затрагивает фактически все слои населения. В этих условиях формируются разнообразные источники доходов, меняется само содержание занятости, институционализируются такие ее формы, как самозанятость, неформальная, дополнительная занятость и т.д. [2, с. 219]. Диверсифицируются формы поведения в сфере не только легальной, но и теневой экономики.

"Дополнительная занятость" - достаточно распространенное в настоящее время понятие, хотя, на наш взгляд, оно нуждается в интерпретации с точки зрения развития социально-структурных процессов. Актуальность изучения этой проблемы определяют следующие факторы. *Первый* - рост масштабов дополнительной занятости. Безусловно, она существовала всегда, но лишь в начале 90-х годов получила массовое распространение в связи с отменой ограничений на совместительство. Государство стало стимулировать такую деятельность, санкционируя тем самым самостоятельный поиск населением путей выживания. Согласно данным Госкомстата, в мае 2002 г. имели дополнительную работу, помимо основной, 4,7%, а 13,9% ее искали [3, с. 140]. Правда, эти данные не совпадают с результатами конкретных социологических исследований: по опросам ВЦИОМ, от 17 до 20% населения работают дополнительно [4, с. 39]. Причина этих расхождений - в различиях методики учета дополнительной занятости. *Второй* - широкий спектр адаптационного взаимодействия классов, социальных групп и слоев, которое, затрагивая самые различные социальные среды, порождает многообразные формы, уровни, системы отношений.

В исследовании дополнительной занятости мы опираемся на результаты опроса, проведенного ИС РАН совместно с Новым Сибирским университетом в Новосибирске и Новосибирской области в конце 2001 г. среди городского населения. Выборка ($N=520$) территориальная, многоступенчатая, с применением квотного метода. Отбор единиц наблюдения проводился по шести переменным: пол, возраст, сектор занятости, социально-профессиональная группа, уровень образования, место проживания. Исследуя трудовое поведение наемных работников в сфере дополнительной занятости, мы ставили задачи: определения методологических подходов к анализу этого вида трудового поведения; изучения особенностей адаптационного потенциала данной совокупности

наемных работников; направленности их потенциальной социальной мобильности; анализа тенденций в материальном положении; выявления особенностей формирования оценочных стереотипов (по отношению к бедности, богатству и т.д.) и социальной самоидентификации.

В решении каждой из этих задач мы опирались на сравнительные характеристики социального положения и установок контрольной группы - не имеющих дополнительной занятости. Для обозначения анализируемых групп мы используем термины "*полизанятые*" (или *первая группа*) — респонденты, занятые на двух и более работах, и "*монозанятые*" (или *вторая группа*) - имеющие одну работу .

Субъекты дополнительной занятости характеризуются следующими показателями. Доля полизанятых в выборке составила от 27,8% (на государственных предприятиях) до 35,0% (на негосударственных). Давая общую оценку респондентам данной категории, надо отметить следующее: среди мужчин этот контингент в 1,6 раза больше, чем среди женщин (33,3% против 22,0%), наиболее активными в этом отношении оказались представители молодых и средних возрастных групп. Так, среди 18-30-летних доля полизанятых составляет 29,4%, 31-50-летних - 31,4%. В старших возрастных группах происходит ее плавное снижение - до 12% в группе старше 61 года. Дополнительную занятость чаще всего имеют респонденты со специальным образованием: высшим (38,0%), незаконченным высшим (31,6%), средним специальным (31,4%); работники отраслей, производящих товары (промышленности, строительства, сельского хозяйства), и ряда непроектных отраслей (здравоохранения, науки). Значительно меньше дополнительная занятость характерна для работников торговли, жилищно-бытового хозяйства. В целом межотраслевые различия, выявленные в исследовании, отражают динамику, зафиксированную данными Госкомстата [8, с. 123].

Анализ по социально-профессиональным группам ("блокам занятий", в терминологии Госкомстата) обнаруживает следующие закономерности: доля имеющих дополнительную занятость наиболее высока среди квалифицированных рабочих (40,9%) и специалистов (37,9%); среди рабочих низкой и средней квалификации она составляет 28,0%, служащих - 19,2%.

Общие тенденции **материального положения** в обеих анализируемых группах определяются преобладанием малообеспеченных среди тех и других (высказывания: "денег до зарплаты не хватает на самые необходимые продукты", "живу от зарплаты до зарплаты" отметили более 50% в каждой из них). Доля среднеобеспеченных несколько превышает треть опрошенных ("на повседневные расходы денег достаточно, но покупка дорогих товаров вызывает затруднения"), обеспеченных - колеблется от 6,1 до 3,4% ("в настоящее время могу почти ни в чем себе не отказывать"). А на вопрос "Изменилось ли за последние 5 лет ваше материальное положение?" в первой группе опрошенных (полизанятых) положительно ответили 23,7%, во второй (монозанятых) - 17,6%. Таким образом, субъективные оценки уровня жизни опрошенных представляют картину достаточной устойчивости и практически одинаковы в обеих группах. При этом доля обеспеченных среди полизанятых, хотя и относительно невелика, все же превышает аналогичную группу среди монозанятых в 1,3 раза.

Значительно большую дифференцированность обнаруживает анализ ответов по основному социально-профессиональному группам (см. табл.). Из таблицы видно, что доход от дополнительной занятости - существенный фактор более высокого материального уровня и в группе рабочих (улучшение материального положения у полизанятых в 1,6 раза больше по сравнению с монозанятыми), и для специалистов (соответственно в 1,8 раза).

Существенное значение имеет такая компонента материального положения, как уровень потребительских возможностей респондента. Это, безусловно, достаточно

¹ Термин "монозанятые" употребляется в литературе (см., напр. [5]), термин "полизанятые" соотносится с такими как "вторичнозанятые", "двойная занятость", "дополнительная занятость" (см., напр. [5, 6, 7]).

**Оценки изменений в материальном положении по социально-
профессиональным группам и видам занятости (%)**

Оценка изменений в материальном положении за 5 лет	Рабочие		Специалисты	
	Полизаняты	Монозаняты	Полизаняты	Монозаняты
Улучшилось	30,8	18,4	29,3	16,0
Осталось без изменений	15,4	20,7	31,5	36,0
Ухудшилось	43,6	48,3	28,9	40,0
Затруднились ответить	10,2	12,6	10,3	8,0

сложный, комплексный показатель, который определяется совокупностью характеристик потребления. В исследовании мы выделили лишь те из них, которые содержат информацию, во-первых, о том, что именно из предметов промышленного производства приобрели опрошенные за последние три года и, во-вторых, на какие цели, помимо расходов на повседневные нужды, они имеют возможность вкладывать деньги.

Ответы свидетельствуют о достаточно низком уровне приобретения промышленных товаров. В основном это обычные вещи повседневного спроса (для 64,0% полизанятых и 54,9% монозанятых). Значительно реже покупаются: современная бытовая техника (25,4 и 16,9%), телетехника (27,2 и 19,4%), мебель (20,2 и 13,2%), модная одежда (16,7 и 15,0%). Фактически нет возможности приобретения ценных вещей, автомобилей, мотоциклов и некоторых других видов покупок. А за последний перед исследованием год 32,5% полизанятых и 47% монозанятых не удалось вложить свои деньги ни во что из перечисленного. Остальные потратили средства на обучение своих детей (24,5 и 13,5%), лечение (22,8 и 15,4%), свое обучение, повышение квалификации и профессиональную подготовку (10,5 и 5,6%), отдых (11,4 и 2,8%).

Приведенные данные говорят о различиях в уровне потребительских возможностей. Но они носят в основном количественный характер и мало говорят об ином качестве жизни. Фактически дополнительная занятость не меняет режим отдыха, потребления человека, хотя, как мы уже отметили, материальные преимущества у полизанятых все же имеются.

Исследование проблем занятости, в том числе дополнительной, невозможно без рассмотрения особенностей социально-экономической адаптации занятых. Теме социальной адаптации посвящено немало работ. Выстроены структуры стратификации по данному показателю, выделены социально-типические группы по уровню адаптации [9, с. 106-129]. По мнению Ю. Левады, адаптация ориентирована на самые разные уровни - от примитивного выживания до использования возможностей новых инструментальных, организационных, карьерных образцов [10, с. 467-488]. Г.П. Бессокирная и А.Л. Темницкий, исследуя социальную адаптацию рабочих, выделяют различные адаптационные стратегии в зависимости от сектора занятости: на государственных, акционерных или частных предприятиях [11].

Адаптация населения к переменам последних лет - процесс длительный и сложный, с достаточно устойчивыми тенденциями во взаимосвязях индивида и различных социальных сфер, формирующий возможности стабильного и достойного существования индивидов. Мы выделяем и анализируем следующие виды.

1. Производственно-трудовая адаптация. Сразу необходимо отметить, что именно в производственной сфере происходит непосредственное соприкосновение с рыночными реалиями и "испытание" адаптационных способностей. В этой связи мы стремились ответить на ряд вопросов. Первый - насколько квалификация и профессиональная подготовка работника соответствуют требованиям выполняемой им *основной* работы. Полизанятые несколько чаще уверены в таком соответствии (40,4% против 37,9% у монозанятых). Среди них значительно больше тех, кто считает, что эти пока-

затели у них выше, чем это требуется для работы (28,1 против 9,7%), и немного меньше оценивающих их ниже (6,3 против 7,9%). Таким образом, можно говорить, что у первых работа более функциональна.

Следующий вопрос - насколько стабильна позиция работника на производстве, предполагает ли он сменить место работы, по каким причинам. Думают о смене работы ("думаю уйти в течение года", "думаю уйти, но не знаю куда") 30,7% полизанятых и 20,4% монозанятых. Иначе говоря, имеющие дополнительную занятость более мобильны в этом отношении. Правда, особых различий в причинах предполагаемой смены работы у исследуемых групп не обнаружилось. На первом месте (из 10 предложенных альтернатив) необходимость увеличения дохода, повышение зарплаты - универсальная проблема, волнующая фактически всех респондентов. Затем - потребность "сменить физически тяжелую работу на более легкую", "работать по более высокой квалификации". Достаточно актуально в обеих группах стремление "попробовать себя в новом деле". Наибольшие различия проявились в желании сменить коллектив и руководителя. Полизанятые в этом отношении более радикально настроены: доля отметивших эту причину как основание для смены работы в 2 раза больше.

Характеризуя свою работу, на ее инновационность указали около четверти полизанятых и менее одной пятой монозанятых. К тому же первые значительно чаще полагают, что их работа социально значима и вообще необходима для общества (почти в половине случаев, тогда как среди вторых так считает менее трети опрошенных). Полизанятых меньше страшит перспектива остаться на какое-то время безработным - они больше ориентированы на активный поиск работы и по новой специальности (таких в 1,6 раза больше, чем среди монозанятых), и менее квалифицированной (в 1,5 раза), и любой работы вообще (в 1,3 раза). Кроме того, они чаще предполагают возможным временно не работать (в 1,6 раза). В то же время монозанятым их работа представляется более гарантированной (51 против 32,3%), более престижной (28,2 против 18,2%). А такой фактор, как хорошо оплачиваемая работа, оценивается совершенно одинаково в обеих группах.

Таким образом, мы имеем фактически две модели трудовой ориентации. Одна из них базируется на признании (в определенных пределах) деятельного начала своей работы, ее высокой отдаче; в основе другой - надежда на день завтрашний, позволяющая оценить свою работу как гарантированную и престижную, нейтрализовать возможную социальную напряженность на предприятии.

Отметим еще один показатель, характеризующий потенциальную социальную мобильность. Мы назвали его "амбициозность", или желание / нежелание служебного роста. На служебное продвижение ориентирована треть полизанятых и четверть монозанятых. Это - также характеристика более активной, ориентированной на высокий материальный уровень части респондентов, поскольку служебный рост предполагает увеличение заработной платы, приобретение определенных жизненных льгот.

Третий вопрос касался удовлетворенности работой. Данные исследования четко свидетельствуют о большей удовлетворенности группы полизанятых.

В рамках исследования рассматривалась также *корпоративная адаптация* - приспособление к внутрипроизводственной среде, к трудовому коллективу. Прежде всего, мы попытались оценить различия на таких уровнях внутрикорпоративной среды, как взаимоотношения между администрацией и рядовыми работниками. Среди тех, кто уверен, что в условиях конфликтной ситуации его поддержат коллеги, товарищи по работе, 27,7% полизанятых и 72,3% монозанятых. Мы смогли выявить субъективные установки опрошенных в отношении форм протестного поведения, имеющих активный характер. Какой, к примеру, может быть реакция на увольнение определенной части работников в случае преобразования предприятия? Ответы на предложенный тест четко фиксируют следующие тенденции: полизанятые чаще ориентированы на менее радикальные действия ("решил бы, что ничего не поделаешь", "подписал бы декларацию протеста"), монозанятые настроены на более активное проявление общественного недовольства ("принял бы участие в демонстрации протеста, в заба-

стве"). И хотя доля и тех и других в выборке невелика, и речь, безусловно, идет только о вероятности таких действий, тем не менее работники без дополнительной занятости демонстрируют большую корпоративную интегрированность.

Результат адаптационного поведения человека - оценка им собственных личностных ресурсов, использование их для приспособления к изменившейся социальной среде. В определенном смысле можно говорить о степени устойчивости адаптации опрошенных. Ответы на вопрос: "Есть ли у Вас уверенность в завтрашнем дне?" свидетельствуют о чрезвычайно низком уровне адаптации: они были положительными у 55% полизанятых и 72% монозанятых. Реализовать свои жизненные планы надеются 31% в первой и 24,7% во второй группе. Таковы общие тенденции адаптационных процессов в рассматриваемых группах.

Противоречиво протекают процессы формирования новой социальной идентичности. В условиях разрушения традиционного уклада потребность самоопределения в системе социальных связей актуализируется. Человек вынужден адаптироваться не только к изменениям в экономической жизни, но и искать свое место в других сферах жизнедеятельности. Это предполагает поиск ответов на вопросы: какие группы и слои он признает своими? что важно для него в социальных характеристиках этих общностей? каковы его собственные интересы? - и многие другие.

Формируются основные направления в идентификации: социально-статусные, социально-словесые, социально-корпоративные и др. Наибольшую функциональную нагрузку несет идентификация с определенным социальным статусом. Насколько принадлежность к социальной группе предопределяет идентификацию индивида с этой группой? Обратимся к распределениям ответов в двух социально-профессиональных группах - рабочих и специалистов различных видов занятости. В группе рабочих только 61,5% полизанятых подтверждают идентификацию со своей профессиональной группой. Среди монозанятых таких 72%. В то же время в первой группе идентифицируют себя со служащими 7,7%, со специалистами - 5,1%, с предпринимателями - 10,3%, не определили идентификацию - 2,8%, затруднились ответить - 2,6%. Во второй группе соответственно - 10,6; 2,2; 5,1; 9,8; 0,3%.

В группе специалистов таковыми считают себя 52% имеющих дополнительную занятость и 31,7% не имеющих ее. В первой группе рабочими назвали себя 8,0%, служащими - 10,0%, руководителями - 4,0%, занятыми собственным делом - 11,8%, без определенной идентификации - 4,5%, затруднились ответить 9,7%. Во второй группе соответствующие распределения 19,5; 28,3; 0; 0; 12,7; 7,8%.

Таким образом, наблюдается расширение рамок групповой идентичности для работников всех типов занятости. Данные свидетельствуют о деградации социально-группового статуса, особенно у специалистов, среди которых лишь половина опрошенных в первой группе и около трети во второй подтверждают идентификацию со своим статусом. В то же время определенная часть полизанятых (свыше 10%), как среди рабочих, так и среди специалистов, считают себя предпринимателями. Это подтверждает, что процесс маргинализации сознания достаточно интенсивен. Дополнительная занятость способствует, с одной стороны, отторжению физического труда, с другой, приобщению к труду интеллектуальному.

Рассмотрим характеристики социально-словесой идентификации. К элите, высшему, между высшим и средним отнесли себя немногие из обеих групп. Наиболее значительно субъективное наполнение среднего слоя - с ним идентифицируют себя 44% полизанятых и 40,8% монозанятых. Но вот с низшим слоем соотносят себя в 2 раза меньше респондентов, имеющих дополнительную занятость - 11 % по сравнению с 22% во второй группе. Иначе говоря, сегодня в России достаточно иметь дополнительный заработок, чтобы чувствовать себя "продвинувшимся" по лестнице социальной иерархии.

Спектр идентификационных предпочтений достаточно широк, они характеризуют различные виды социальных отношений. Достаточно универсальна в этом плане проблема формирования самооценки: собственного "я", своих возможностей, своей вос-

требованности. Мы проанализировали ответы поли- и монозанятых на вопрос "Каким представляете человека, занимающего такое же место в социальной жизни, что и вы сами?". Были предложены характеристики, связанные (1) с особенностями трудовой деятельности (интенсивный, напряженный труд); (2) с возможностью проявления самостоятельности и предприимчивости в жизненных ситуациях; (3) с оценками своего профессионального и (4) культурного уровня, (5) с властным потенциалом; (6) с наличием таких качеств, как честность, порядочность, законопослушность.

Полизанятых отличает интенсивность умственного и физического труда, доля отметивших эту характеристику в 1,5 раза больше, чем у монозанятых. Это объясняется тем, что в первой группе значителен удельный вес высококвалифицированных профессионалов (как специалистов, так и рабочих), ориентирующихся на высокую отдачу от своей работы. Среди представителей этой группы также в 1,5 раза больше тех, кто считает себя самостоятельным, предприимчивым человеком, иначе говоря, в большей степени ориентирован на собственные силы, а не на помощь извне. Здесь же чаще полагают, что обладают высоким уровнем образования (в 1,3 раза по сравнению с монозанятыми). Достаточно велики различия и в оценке своего дохода. Так, удельный вес высокодоходной категории (т.е. субъективно оценивших свое положение: "богат, имеет все возможности для удовлетворения своих желаний, потребностей") хотя и невелик - 10,3% среди полизанятых, тем не менее в 1,8 раза больше, чем среди монозанятых.

Есть пункты, по которым расхождений практически нет. Представители обеих групп считают себя в равной степени людьми с высоким уровнем культуры (около 20% среди тех и других), обладают примерно одинаковым уровнем властных возможностей.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что полизанятые демонстрируют более высокий уровень адаптированности (предприимчивость, самостоятельность) в отношении профессиональной деятельности, в то время как оценка общечеловеческих качеств одинакова в обеих группах.

Реальное состояние социальной структуры нельзя оценить без учета тех представлений, в которых отражаются существенные черты социальной жизни. Под их влиянием формируются стереотипные представления (клише) о том, что хорошо и что плохо, кто герой и кто антигерой, кто свой и кто чужой и т.д. По сути, речь идет о показателях отношения населения к социальным преобразованиям. Попробуем проследить особенности отношения в двух анализируемых группах поли- и монозанятых к таким явлениям социальной жизни, как бедность и богатство. Для эмпирической верификации нами были использованы следующие показатели. Респондентам предлагалось высказать мнение о справедливости наличия в обществе бедных и богатых, об основных факторах, способствующих появлению этих слоев. То, что такое деление в обществе вполне правомерно и справедливо, считает примерно треть опрошенных, в их числе 34% полизанятых и 22% монозанятых. Итак, для большинства опрошенных обеднение населения - результат издержек реформ. Однако среди полизанятых, сумевших более активно "встроиться" в социальную жизнь, отношение к этому явлению либеральнее.

Рассмотрим, как оцениваются причины и факторы бедности. Мы объединили их в две группы. Первая включает те из них, которые акцентируют субъективные, личностные качества (нерешительность, пассивность, лень, нежелание напряженно работать и др.). Вторая представляет причины объективного характера (невозможность получить хорошее образование, хорошую работу, политика властей, направленная на обогащение одних и разорение других). Наиболее представительны оценки второй группы факторов в мнениях как поли-, так и монозанятых. И те и другие считают, что бедность как социальное явление в большей степени порождена политикой власти (от 52,6% среди полизанятых до 67,8% среди монозанятых), отсутствием возможности получить хорошую работу (соответственно 62,6 и 76,4%), невозможностью получить хорошее образование (51,5 и 62,0%).

Первая группа факторов получила меньшую поддержку во мнении опрошенных. Отдельные слагаемые бедности - например, нерешительность, пассивность, лень - от-

метили 58,0% полизанятых и лишь 39,3% монозанятых, в то время как принципиальность - соответственно 31,2 и 39,6%. Это еще одно подтверждение большей ориентации полизанятых на решение проблем собственными силами.

А каково отношение к богатству, к появлению нового сословия владельцев крупных состояний у людей в основном небогатых? Что способствует становлению богатства в России - личные качества (энергичность, инициативность, предприимчивость), случайное стечение обстоятельств, родственные или дружественные связи, ранее занимаемая влиятельная должность или коррупция, разграбление и присвоение государственной собственности?

Анализ показывает, что ответы распределились практически одинаково. В обеих группах, например, везение, "счастливый случай" - на последнем месте. Близки к этой позиции личностные качества человека (инициативность, энергия и т.д.). На первом месте - криминальные связи, поддержка родственников, коррупция. Иначе говоря, в отношении к богатому сословию у населения сформировались достаточно устойчивые стереотипы. "Образ" богатых асоциален, встречает критику и неприязнь.

Итак, исследование позволяет сделать ряд выводов. 1. Наемные работники, имеющие дополнительную занятость (полизанятые) - социальная общность, включающая представителей всех основных социальных групп занятого населения, людей разных возрастов, работающих в различных отраслях народного хозяйства. 2. Доминирующая поведенческая стратегия полизанятых - использование профессионально-квалификационного потенциала для адаптационного взаимодействия с социальной средой. Фактически это означает отход от патерналистских настроений, стремление самостоятельно решать свои проблемы. 3. Складывающийся тип индивидуальной социальной мобильности полизанятых характеризует потенциальная динамичность, ориентированность на достижение более высоких позиций на статусной лестнице. 4. Чувство корпоративности присуще полизанятым в меньшей степени, чем монозанятым, а оценка готовности участия в конфликтных ситуациях крайне низка. 5. Материальное положение и уровень потребления полизанятых в целом достаточно невысоки, в их составе преобладают (по субъективной оценке) малоимущие и среднеобеспеченные люди. 6. Направления социальной идентификации характеризуются "размыванием" имеющегося социального статуса, маргинализацией. 7. Реформы, изначально лишённые социального целеполагания, вызвавшие социальную напряженность в обществе, сформировали такие стереотипы общественного мнения, которые свидетельствуют о явном преобладании негативного отношения к делению общества на бедных и богатых, асоциальности последних. Здесь нет различий в мнениях представителей обеих анализируемых групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труд и занятость в России / Стат. сб. Госкомстата России. М., 2001.
2. Социально-экономическое положение России. Январь. 2003. М., 2003.
3. Статистический бюллетень. 2002. № 5 (89). Июль. М., 2002.
4. Общественное мнение - 2000. Декабрь. М., 2000.
5. Россия - 2000. Социально-демографическая ситуация. М., 2001.
6. Клопов Э.В. Вторичная занятость как форма социальной-трудовой мобильности // Социол. исслед. 1997. № 4.
7. Трудовые отношения на новом частном предприятии. М., 2000.
8. Обследование населения по проблемам занятости. 2002. Май. М., 2002.
9. Беляева Л.Л. Социальная стратификация и средний класс в России. М., 2001.
10. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
11. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследования // Мир России. 2000. № 4. С. 103-125.